

П.С.ЛЕМЕЩЕНКО

НЕОПОЛИТЭКОНОМИЯ ИЛИ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Весьма значимым для формирования культуры экономического мышления является анализ становления науки политической экономии. Непрерывающиеся почти на протяжении века дискуссии о предмете, методологии и значении этой науки имеют особую актуальность в наши дни, свидетельствуя о том, что теоретическая сторона экономики представляет собой живое знание.

Стремление к "чистой" экономической науке, т.е. желание придать ей большую научную строгость и доказательность, а также освободить ее от идеологии, насущных социальных проблем, привели к тому, что в начале XX в. "политэкономия" как самостоятельная наука как бы ушла с исторической арены. Развитой рыночной системе была предложена общая теория экономики или "экономикс", базирующаяся на функциональном анализе, безупречно исследующем здоровый и зрелый организм. Работы У.Джевонса, Л.Вальраса, Д.Б.Кларка, В.Парето, А.Маршалла, Дж.Хикса, А.Пигу позволили оформиться неоклассическому направлению экономической науки. Термин "неоклассицизм" достаточно прочно вошел в научный оборот, дополняясь более или менее полезными и важными выводами, научными изысканиями, идеями. Например, модель общего экономического равновесия Л.Вальраса безоговорочно принималась экономистами вплоть до конца 60-х гг., когда М.Алле были разработаны принципиально новые подходы к этому вопросу. Написанная же А.Маршаллом книга на целые десятилетия стала фундаментальной основой преподавания экономической теории в высших учебных заведениях. Теоретическая экономика приняла также на вооружение определение общего благосостояния В.Парето, которое весьма ясно разграничивает категории *эффективности* и *справедливости* в отношениях распределения сложившейся рыночной системы.

Необходимость существования политэкономии как науки из-за ее специфики и назначения долгое время отвергалась большинством советских экономистов. И только десятилетние дискуссии, по итогам которых в 1952 г. была написана известная книга "Экономические проблемы социализма в СССР", предопределили необходимость изучения политэкономии капитализма и дали жизнь политэкономии социализма как теоретической основе этого строя. Оценку сущности и установок политэкономии социализма оставим другим, заметим только, что многими при анализе эволюции экономической науки упускается из виду то очень важное обстоятельство, что на базе политэкономии и ее трансформации возник ряд таких *новых наук*, как социология, политология, которые в последующем обращаются к проблемам, выходящим за пределы внимания "традиционных" экономистов. Возникает и новое экономическое направление – *институционализм* как реакция на новые и не охваченные существующими науками старые проблемы. "Ограничив предмет экономической теории, неоклассики открыто признались в своей некомпетент-

ности за пределами поставленных ими границ и, таким образом, исключили не только ряд выводов на уровне здравого смысла, но и несколько ценных идей... Неизбывный методологический грех неоклассической теории состоял в том, что она использовала микростатические теоремы, выведенные из "вневременных" моделей, в которых отсутствовали технический прогресс и увеличение доступных ресурсов для предсказания хода событий в реальном мире"¹. Поэтому представители институционализма Т.Веблен, У.Митчелл, Дж.Коммонс – единственные (за исключением Маркса) из критиков ортодоксальной теории, которые попытались создать иную, лучшую теорию, преодолевающую недостатки высокой абстракции, узкой сферы анализа, игнорирование негативных фактов действительности. Институционалисты обратили внимание на малоактивность "модной" в то время теории, ориентирующейся на созерцательность и пассивность.

Надо видеть, например, и то, что Т.Веблен выступает *против* гедонистской позиции, т.е. теории потребления Джевонса-Маршалла. Он считает, что *задачей* экономической теории является поиск куммулятивного начала и движения, а не стремление искать механизм равновесия. Он еще видел конфликт (правда, не он один его видел) между промышленными, торговыми, производственными и денежными сферами деятельности, занятиями и капиталами.

В нашем нынешнем положении для выработки общей стратегии развития республики чрезвычайно важно было бы видеть если не жесткое противоречие между названными сферами, то уж по крайней мере не гармонию интересов, о чем так много говорят в последнее время, а следовательно, и приоритет производительного сектора над финансово-банковским со всеми вытекающими отсюда последствиями. Неоправданно снисходительное отношение на Западе к теории институционализма и забвение ее у нас, поскольку институциональные факторы в переходные периоды выступают решающими в динамике экономического роста, о чем свидетельствуют современные достижения теории конъюнктуры и роста. Нет смысла доказывать, что для так называемых постсоциалистических стран институциональный аспект реформ приобретает особую остроту.

Теория *менеджмента*, оформившаяся и получившая общественное признание в классической школе управления (А.Файоль, Л.Урвик, Дж.Муни), аккумулирует разные отрасли знания, в результате чего не только направленность, но и *способ* действия, форма организации также приобретают научное обоснование и выражение. Экономическая же наука в новом понимании ("Экономикс"), занимающаяся в большей степени проблемами фирмы, наконец-то получает возможность умелого и грамотного применения своего анализа. Это, во-первых. Во-вторых, возникает более тесная и достоверная обратная связь с практикой хозяйствования, которая всегда считалась критерием истинности теории.

Таким образом, политэкономия как самостоятельная наука в силу естественно складывающегося разделения общественного труда и специализации также трансформируется в самостоятельные науки, приобретающие свой предмет, методологию, оформляющиеся в специфический категориально-понятийный аппарат. Например, особый самостоятельный статус и развитие получают такие науки, как статистика, теория размещения, экономическая география, эконометрика, теория отдельных отраслей производства, бухгалтерский учет, экономика народонаселения. Однако если, с одной стороны, обособление ряда экономических наук дает более глубокое знание о каких-то сферах социально-экономической деятельности человека, то, с другой стороны, в "общей экономической науке" начинают проявляться фрагментарность и отсутствие ясного представления об экономических закономерностях и тенденциях развития общества в целом и отдельных стран в том числе. Революции в начале века в ряде стран, мировой кризис 1929–1933 гг. и ряд социальных катаклизмов на Западе в последующем, тупикивая ситуация середины 80-х гг. в развитии экономик социалистических стран, грозившая обернуться "глобальным беспорядком", яркое тому подтверждение.

Стремление к макроэкономической устойчивости стран с традиционной рыночной экономикой, опыт и проблемы использования планирования в бывшем СССР, развитие математического аппарата, статистики пробудили интерес к новой форме организации производства на макроуровне – народно-хозяйственному или *национальному планированию*. Пожалуй, для читателя-специалиста фамилии таких известных экономистов, как Е.Слущкий и Г.Фельдман, Н.Кондратьев и В.Громан, С.Струмилин и В.Дмитриев, В.Леонтьев и О.Ланге, Л.Канторович и Дж.Нейман, Я.Тинберген и А.Фриш, многое могут сказать о проблемах теории макроэкономического планирования и моделирования и о том вкладе, который был сделан ими в экономическую науку. По сути дела, начало формироваться новое направление экономической науки, которое по каким-то причинам никак не попадает в хрестоматийный перечень основных школ и направлений. Видимо, здесь срабатывает прежде всего идеологический синдром, поскольку общество строящегося социализма объявило монополию на эту экономическую форму, подозревая "чужих", проявлявших так или иначе внимание к планированию, в каких-то происках и злых намерениях. К тому же теория планирования включила в себя слишком большой перечень сверхактуальных проблем, формализованных изощренным математическим аппаратом, что осложняет ее восприятие массовым читателем.

Но основание теории макроэкономического планирования двойственно, что обусловило развитие двух его концепций. Первая базируется на идее естественного рыночного равновесия Л.Вальраса и принципах расчетов А.Курно, вторая руководствуется гипотезой С.Струмилина, Г.Кржижановского и других о возможностях принципиально нового критерия равновесия в условиях общественной собственности на средства производства, ориентирующегося на *народнохозяйственный эффект* и оптимум. И хотя выводы делать, может, еще рано, однако будет уместным заметить, что забвение теории и исключение ее из арсенала методов государственного планирования экономического развития на территориях постсоциалистических стран в угоду модной идее рынка, на наш взгляд, является одной из причин затяжного и глубокого экономического кризиса в этих странах. Строго говоря, ситуация 80-х гг. – это прежде всего проявление кризиса прежней "социалистической парадигмы" планирования, не изменявшейся с 20-х гг. Но нынешняя ситуация является уже следствием использования постсоциалистическими странами экономических форм, явно не соответствующих уровню современных производительных сил, складывающегося "пятого" технологического способа производства и мотивации деятельности человека, интуитивно сориентированного на ценности наступающего XXI в. Объективно и без идеологического синдрома роль и значение первых пятилетних планов в экономике СССР проанализировал Герман Ван дер Веэ³.

Работы Д.Кейнса, положившие начало новому направлению экономической науки, твердо зафиксировали в теории и общественном сознании изъяны и "отрицательные эффекты" веками складывавшейся прежней экономической системы. "Черный ящик" механизма классической конкуренции, который пытались вскрыть К.Маркс и Й.Шумпетер, стал приоткрывать занавес неосознанной неоклассиками "секретности". После этого, хотя к настоящему времени уже по многим социально-экономическим проблемам были некоторые наработки, появилась критическая масса для изучения в качестве самостоятельных проблем макроэкономического равновесия, инфляции, безработицы, регулирования. Экономическая наука приблизилась к хозяйственной практике, выводы ее стали более конкретными, в том числе и на макроуровне, а сам аппарат науки стал более точным, аргументированным и доказательным. Правда, справедливости ради, надо отметить, что идеи Кейнса во многом предвосхитил еще в 1934 г. шведский экономист Мордаль и поляк М.Калецкий. Термин же "мультипликатор" ввел в научный оборот Р.Ф.Кан (1931 г.).

Признавая несомненную значимость как для науки, так и для практики кейнсианского учения, оказавшего значительное влияние на качество мировой экономической науки, нельзя не замечать и таких ее оценок, которые дает,

например, В.Леонтьев. По его мнению, трудно признать гениальным вывод о необходимости больше потреблять, для того чтобы больше производить.

Однако с того времени, когда началось обособление научных школ со своей специализацией, возникает новая проблема – взаимопонимания экономистов различных направлений, что никак не способствовало целостности общей картины сложного экономического мира. Системный подход, структурализм и функционализм частично компенсировали недостаток общего, целостного и всестороннего знания, дополняя и оживляя последнее нетрадиционной информацией, в которой нуждалась и нуждается практика в условиях "дефекта знания".

Весьма своеобразно на пассивность и созерцательность, предметную и методологическую узость, функционализм и субъективизм, преобладающие в мировой экономической науке "традиционных" течений, отреагировала "Фрайбургская школа". По сути, эта малоизвестная даже специалистам в области экономики школа продолжает традиции политической экономии, заложенные классической школой и качественно развитые К.Марксом. И хотя к Марксу у представителя фрайбургцев В.Ойкена отношение достаточно критическое, он, по сути, не только защищает его от современной бездарной и запоздалой критики, но и дополняет, особенно в части раскрытия экономических форм производственных отношений, проявляющихся через "экономические порядки". Набивший оскомину и, как представляется, не понятый многими метод диалектики у Ойкена преломляется через *морфологический подход* к исследованию экономических систем. Построенная на этой основе классификация хозяйственных систем придает экономическому мышлению такую же стройность, ясность и простоту, как периодическая система Менделеева пониманию свойств материи. Для наших современников – экономистов и политиков, ведущих иногда яроный спор о роли государства в экономике, небезынтересным будет следующее замечание, высказанное В.Ойкеном еще в сороковые годы: "Больше или меньше государственности – такая постановка вопроса проходит мимо проблемы. Речь идет не о количественной, а о качественной стороне проблемы. Сколь нетерпимо в эпоху промышленности, современной техники, крупных городов и скоплений людских масс пускать на самотек формирование экономического порядка, столь и само государство не способно руководить экономическим процессом"⁴. Государству следует регулировать порядки, которые, в свою очередь, призваны регулировать хозяйственные единицы. А для того чтобы формировать "правильные" порядки, мыслить необходимо не только абстрактными категориями, иначе абсолютно верный с точки зрения науки вывод может реализоваться с точностью до наоборот при выборе *формы* его практической реализации. Л.Эрхард, как известно, в конкретно-исторических условиях успешно внедрял идеи Ойкена в практику.

Весьма плодотворно сказались в целом на всей экономической теории и на хозяйственной практике сами *идеи* и модели неокейнсианцев Е.Харрода и Р.Домара в плане исследования экономической *динамики* и *роста*. При этом не следует также забывать о работах меркантилистов, классиков, Маркса, У.Фостера, Дж.Гобсона, Й.Шумпетера, Кэтчингса. Словно волшебной палочкой они пробудили от "летаргического сна" экономический анализ неоклассиков.

Совершенно независимо от них развивается так называемая историко-социологическая концепция роста и развития, имеющая большей частью описательный характер и буквально "разрывающаяся" в переплетении экономических и внеэкономических факторов.

В целом же на базе анализа макроэкономической динамики и роста произошло сближение теорий, которые, что называется, стояли на диаметрально противоположных позициях и не желали "поступиться принципами". Это в равной мере относится к классической и неоклассической школе, теории Маркса, кейнсианцам и неокейнсианцам, институциональному направлению. Возникает *неоклассический синтез* (П.Самуэльсон, Ф.Модильяни, Д.Патinkin), приверженцы которого сделали достаточно успешную попытку "путем эффек-

тивной кредитно-денежной и фискальной политики соединить классическую микроэкономику Смита и Маршалла с современной макроэкономикой определения уровня дохода, сочетая все здоровое в обоих подходах⁵. После этого начинает формироваться идея о смешанной экономике, которой обосновывается необходимость вмешательства государства в экономику. Разногласия здесь выявляются лишь в *формах* и методах регулирования экономики, целях, масштабах, побочных эффектах. Развивается теория общественного сектора с различными ответвлениями исследований в области социальной политики. Например, сформировавшаяся в 50–60-е гг. теория *общественного выбора* (Дж.Бьюкенен, М.Олсон, Д.Мюллер, Р.Толлисон, У.Несканен), отойдя от анализа влияния кредитно-денежных и финансовых мер на экономику, вторглась в весьма несвойственную экономической науке сферу – политологию, юриспруденцию, социологию – область *принятия* правительственных *решений*. Иначе говоря, декартовская система координат с ее линейностью процессов, на которой держалась "старая" политэкономика, начинает уступать место новой, впитывающей многолинейность эволюции социально-экономических процессов. Политические и социальные проблемы приобретают здесь особую актуальность, поскольку последние, как правило, не затрагивались экономистами-неоклассиками.

Когда кейнсианские методы государственного регулирования стали утрачивать свою эффективность, а размеры и критическая масса накопленного денежно-финансового капитала требовали выхода на политическую арену, в том числе и путем увеличения своего состояния через политический альянс, то в 70-х гг. новая консервативная волна выбросила на острие популярности теорию *монетаризма*. Последняя, по существу, базировалась на традициях количественной теории денег, а с 50-х гг. активно в разных формах пропагандировалась Г.Саймоном, Л.Минтсом, Ф.Найтом, Дж.Винером, К.Бруннером, М.Фридменом. К 70-м гг. она оформилась во влиятельную *Чикагскую школу*, пик популярности идей которой уже прошел, поскольку проблем в жизни стало больше, чем было⁶.

Фактор неопределенности и зависимости от внутренних условий перешел к внешним. Это один из моментов, указывающих на отличия неоклассиков от монетаристов при их внешней схожести. Например, и неоклассики и монетаристы отрицают вмешательство государства в экономические процессы. Но если первые этим как бы желают создать условия для справедливой конкуренции, то вторые явно пытаются своими действиями и возможным влиянием через деньги заменить государство и стать над ним, диктуя "свои правила игры". Деньги начинают и выигрывают – такова основа конкуренции, которую защищают осознанно или нет представители монетарного направления в экономической науке. Г-н Сорос, "заработавший" за несколько дней миллиард долларов, квалифицирует это направление в науке как *алхимию*⁷.

В середине 70-х гг. также возникает и *новая кембриджская школа*. С одной стороны, она делает попытку размежеваться с неокейнсианством и монетаризмом, а с другой, – выработать "компромиссную позицию" в оценке современных явлений. У.Годли, Ф.Криппс, например, в 1983 г. написали "Макроэкономiku", где сами авторы подчеркивали, что, оставаясь на позициях неокейнсианства, их теория все-таки не укладывается ни в неоклассицизм, а тем более монетаризм или в кейнсианство⁸. Представители новой кембриджской школы в своем анализе начали особое внимание придавать внешнеполитическим факторам экономического роста, к чему подтолкнул обширный и глубокий кризис середины 70-х гг., обостренный действиями стран ОПЕК.

В рамках единой кейнсианской концептуальной основы возникает и монетарное кейнсианство (П.Дэвидсон, Х.Мински, С.Вайнтраубе и др.), которое заполнило вакуум в теории *денег* кейнсианцев.

В ФРГ и некоторых других западноевропейских государствах в последнее время происходит слияние политологии и экономической теории, в результате чего вырабатывается *новый курс* – курс социальной политики⁹. Например, Д.Фогель получил академическую известность своими междисциплинарными исследованиями на *стыке* политологии и экономической теории.

В 80-е гг. существование различных форм хозяйствования в мире, мощное влияние *особенного* на конечные социально-экономические результаты дают импульс возникновению *компоративистики*, которая стала и учебным курсом в вузах¹⁰.

Важное место в целостной экономической картине мира начинает также занимать так называемая *транзакционная экономика*, теория которой связана с именем Р.Коуза. Это уже междисциплинарная концепция, объединяющая правовую, экономическую и организационную науки¹¹. Теория фирмы, известная нашему читателю из трудов неоклассиков в привычном категориальном выражении, в 80-е гг. обогащается *институциональным анализом фирмы*. Здесь анализ издержек переносится в плоскость организационных структур фирмы, коммуникации и познавательных способностей персонала, его адаптации к изменяющимся условиям и мотивации, где отсутствует известный эгоистический коммерческий интерес¹². Другой известный в научном мире Запада и абсолютно неизвестный у нас профессор У.О.Уильямсон также выступает с критикой теории фирмы, предлагая междисциплинарный подход к исследованию последней¹³.

Таким образом, экономистам в целом, а белорусским в особенности, следовало бы отойти от бесплодных дискуссий, ведущихся в плоскости, — или теория "Экономикс", или теория Маркса. Ситуация выглядит значительно сложнее, поскольку еще в свое время П.Икинз отмечал, что "экономическая наука зашла в тупик, инструментарий ее притупился... Необходимы новый старт, разработка экономического подхода, который соответствовал бы науке, технологии, ценностям и отношениям конца XX века"¹⁴. А лауреат Нобелевской премии по экономике М.Аллэ высказывался еще более определенно: "Как физика сегодня нуждается в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой механики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей"¹⁵.

Экономическая наука постоянно развивается. Новая парадигма современной экономической науки, обусловленная как онтологическими, так и гносеологическими изменениями, уже имеет реальные очертания. Во-первых, объект ее расширился до международного уровня, свойства которого из вторичных стали доминирующими в национальном экономическом развитии. Во-вторых, предмет от привычного, собственного для "экономикс", переносится в плоскость изучения законов и закономерностей развития, подобных тем, чем занималась классическая политэкономия, что позволяет выдвинуть в качестве рабочего такой термин для ее определения, как "неополитическая экономия". Потребителем ее выводов выступают международные организации, формирующие "мировой экономический порядок", национальные правительства, крупные экономические субъекты хозяйствования. В-третьих, из всей совокупности факторов производства в качестве главного для экономического роста начинает выступать человеческий фактор, называемый сегодня "человеческим капиталом". В-четвертых, достигнутый уровень развития производительных сил, обострение глобальных проблем дают основание отойти от традиционной характеристики "человек экономический" к определению "человек разумный", в мотивации которого максимизация прибыли не является главной целью. Здесь ограничителем выступает общество с множеством его регулятивных мероприятий, включая воспитание, мораль, идеологию, право. В-пятых, в новой фундаментальной науке, преодолевающей междисциплинарность и "дефект знания", понятие "конкуренция" также приобретает иной оттенок и смысл, поскольку она вышла в своем воздействии из уровня *a posteriori* на уровень *a priori*. Речь идет о конкуренции в умах на уровне прогнозирования, моделирования и планирования, т.е. предполагаемой "допроизводственной конкуренции", которая в таком виде приводит к меньшим издержкам и влиянию на амплитуду цикла. Уже применяемые теория игр, рациональных и адаптивных ожиданий являются убедительным тому подтверждением.

Сегодня экономическая наука является по вполне объяснимым причинам мощным фактором управления, задавая область и нормы поведения людей. Если мы хотим добиться экономического порядка в жизни, то должны навести порядок в умах, что поможет сделать и национальная экономическая наука.

- ¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С.650.
- ² См.: Бжезинский З. // США: ЭПИ. 1994. №4-5.
- ³ Герман Ван дер Вее. История мировой экономики (1945–1990). М., 1994. С.130.
- ⁴ Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С.429–430.
- ⁵ Самуэльсон П. Экономика. М., 1964. С.796.
- ⁶ См.: Известия. 1997. 27 сент. С.2.
- ⁷ См.: Сорос Д. Алхимия финансов. М., 1995.
- ⁸ См.: Студенцов В. // Международная экономика и международные отношения (МЭМО). 1988. №2.
- ⁹ См.: Новые тенденции в буржуазной политологии // МЭМО. 1988. №12.
- ¹⁰ См.: Глух Н. А. // Вестн. МГУ. Сер. Экономика. 1997. №3.
- ¹¹ Коуз Р. Фирма, рынок, право. М., 1991: Вереникин А. О. // Там же.
- ¹² См.: Масахико Аоки // Вестн. ЛГУ. Сер. Экономика. 1991. Вып.1.
- ¹³ Уильямсон У. О. // Вестн. ЛГУ. 1991. №3; Organization theory: From Chester Barnard to the present and beyond. New York, 1990.
- ¹⁴ Суперфин Л. // Вопросы экономики. 1993. №1. С.57.
- ¹⁵ Аллэ М. // МЭМО. 1989. №11. С.27.

В.Л.КЛЮНЯ, И.В.НОВИКОВА

СМЕНА МОДЕЛИ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ТНК

Начиная с 80-х гг. XX в. процесс растущей экономической взаимозависимости стран, который преобладал до начала 80-х гг., отражаясь в высоких темпах торговой экспансии по сравнению с ростом выпуска продукции, перерастает в глобализацию.

Глобализация экономической жизни – это процесс втягивания мирового хозяйства, понимаемого как совокупность национальных хозяйств, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, в рынок и тесное переплетение их экономик. А уже на этой основе будет происходить формирование единого мирового хозяйства. Процесс этот характеризуется не прямолинейной зависимостью, а идет через регионализацию, т.е. создание экономических блоков, включающих примерно равные по экономическому развитию страны, предполагая свободу торговли внутри них, а по отношению к третьим странам – протекционизм для того, чтобы создать необходимую экономическую и технологическую инфраструктуру как подготовку к требованиям глобализованного рынка и свободной конкуренции.

Можно констатировать, что в мире в конце XX в. начались процессы, аналогичные процессам формирования государственно-оформленных рыночных экономик в средние века, но на качественно новом уровне.

В средние века в Западной Европе рыночные элементы росли в процессе так называемой функционально-компонентной дифференциации. В связи с открытием новых земель, веществ, прогрессом науки и техники, углублением разделения труда и ростом специализации появлялись все новые и новые производители, стимулировавшие все новые и новые потребности (это – компонентная дифференциация).

Одновременно происходила и функциональная дифференциация, которая порождала рыночную инфраструктуру и способствовала расширению структуры рынка. Сначала появились посредники, затем банки, биржи (труда, фондовые, товарные), страховые компании, почта, газеты, торговый флот, т.е. элементы, обслуживающие акт купли-продажи.

Данный процесс функционально-компонентной дифференциации в Западной Европе продолжался с XII по XIX вв. Однако возникновение монополий, выросших из свободы продавца и покупателя, т.е. превращение элементов в свою противоположность, потребовало создания механизма настройки системы. В противном случае она могла погибнуть.

Роль настраивающего механизма в рыночной системе начинает выполнять государство. Возникает так называемое государственное регулирование в рациональном смысле слова, обозначившее границу перехода системы в стадию зрелости. В данном случае рыночная экономика превращается в экономику рыночного типа.

Государственное регулирование начинается в США с принятием антимонопольного Акта Шермана (1890 г.). В дальнейшем ряд антимонопольных